

Переходя к последним упражнениям разминки, Уриэль сохранял спокойное дыхание — каждое его движение было выверено и отточено, разум и тело работали в унисон. Он сосредоточенно отработывал удары: сначала локоть, а потом кулак точно и резко бьют по воображаемому противнику. Глаза его были закрыты, но шаги оставались уверенными и в то же время легкими. Тело работало, как хорошо отлаженный механизм.

Заканчивая последнее упражнение, Уриэль глубоко вздохнул, скрестив кулаки перед собой, потом резко выдохнул, не теряя концентрации, его руки плавно опустились вниз, а энергию боец направил внутрь себя.

Он почувствовал прилив убийственной силы в своих руках, которая росла с каждым днем. И как только Уриэль завершил разминку, впервые за много недель к нему вернулось спокойствие.

— Ты готов? — спросил Пазаниус.

Уриэль кивнул и шутливо потряс руками над головой, изображая кураж перед боем. Его бывший сержант, Пазаниус, был намного выше Вентриса, сильно накачан и одет в лазурную хлопковую тунику, не закрывавшую рук и ног. Прошло уже почти два года с тех пор, как Пазаниус потерял руку во время сражения с Несущим Ночь глубоко под землей. Но взгляд Уриэля до сих пор невольно останавливался на мерцающем серебром гладком протезе, который заменил сержанту руку.

Светлые волосы Пазаниуса были собраны в тугий пучок, а лицо светилось неподдельной веселостью и добродушием (до тех пор, пока он не собирался вступить в бой — тогда оно роковым образом менялось). Пазаниус нанес сокрушительный удар правой, но Уриэль, увернувшись, ловко отпрыгнул в сторону. Он отклонил энергичный выпад и, сделав обманное движение, ударил противника по горлу. Однако этот громила легко увернулся и контратаковал, выведя Уриэля из равновесия. Тот нырком ушел от рубящего удара и отпрыгнул назад как раз вовремя, чтобы не схлопотать ногой в пах. Несмотря на его отменную реакцию, Пазаниус все равно пробил пяткой ему в бок, и Уриэль крикнул от боли, когда дыхание вновь вернулось к нему.

В следующую секунду он еле увернулся, пружинисто отпрыгнув на носках, но противник снова перешел в нападение, ставя блоки и легко отражая все атаки. Пазаниус был гораздо поворотливее, чем выглядел, и Уриэль знал, что ему никоим образом не удастся избежать всех ударов. Пазаниус ловко приземлился на ноги после мастерского прыжка и немного отступил.

Капитан выбрасывал удары от бедра и от плеча, вкладывая в них весь свой вес, подныривал, чтобы провести серию прямых по ребрам. Пазаниус отступил, и Уриэль поспешно пошел в атаку, пытаясь пробить в голову. Это был рискованный прием, так как противнику не составляло никакого труда его заблокировать, но блестящее предплечье Пазаниуса не остановило летящий кулак, и Уриэль без помехи нанес сокрушительный хук прямо в висок.

Пазаниус пошатнулся и опустился на одно колено, ярко-алая кровь закапала из раны над

бровью. Уриэль отступил и, опустив кулаки и восстанавливая дыхание, в недоумении уставился на глубокую ссадину на лбу сержанта.

— Ты в порядке? — спросил он. — Что случилось? Ты ведь мог легко остановить меня.

— Ты застал меня врасплох, — ответил Пазаниус, стирая уже свернувшуюся кровь с лица. — Я ожидал, что ты опять будешь бить по ногам.

Уриэль прокрутил в голове последние секунды боя и мысленно пересмотрел все позиции и удары.

— По ногам? Я был в недостаточно выигрышном положении, чтобы бить по ногам, — сказал он.
— Если я хотел атаковать, то все, что я мог сделать из этой позиции, — это бить в голову.

Пазаниус пожал плечами:

— Я просто не поставил блок вовремя.

— Но ты и не пытался. Даже другой рукой.

— Ты выиграл. Чем же ты недоволен?

— Да я просто никогда не видел, чтобы ты пропускал такие простые удары, вот и все.

Пазаниус отвернулся и сдернул полотенце с поручня, проложенного по периметру круглого помещения, накрытого сферическим куполом. Этот зал капитан Ласкарис выделил для спаррингов и тренировок. Сквозь бронированное стекло можно было видеть черноту космоса, заполнившую все обозримое пространство. Звезды были рассыпаны, как бриллиантовая пыль на соболином меху. Отраженный свет далекого Макрэйджа мерцал на многочисленных гранях купола, и легкое покрывало призрачного сияния колыхалось повсюду, куда падал взор.

— Ты знаешь, вся эта ситуация немного... м-м... выбила меня из колеи, — сказал Пазаниус, обматывая полотенце вокруг своей искусственной руки. — Быть исключенным из Ордена...

— Я знаю, Пазаниус, знаю, — кивнул Уриэль и подошел к сержанту.

Тот крепко держался за поручень и пристально смотрел через непробиваемое стекло в завораживающую даль. Военно-транспортный корабль «Гордость Калта» летел сквозь космическую тьму, все больше отдаляясь от Макрэйджа, направляясь к точке перехода в варп-пространство на Масали.

Уриэль вошел в каюту, бросил полотенце на темно-серый шкафчик, стоявший в ногах кровати, и отправился в тесную ванную комнату, которая была обустроена в стальной пристройке. Он стянул через голову пропахшую потом тунику и повесил ее на желтую перекладину, потом повернул надраенную рукоятку крана над сколотым краем керамического бассейна и стал ждать, пока тот наполнится. Уриэль зачерпнул пригоршню ледяной воды, плеснул себе в лицо и не вытирался, пока капли сами не скатились с его изборозжденного боевыми шрамами лица.

Он задумчиво смотрел на воду, пенящуюся в бассейне. Искрящиеся брызги напомнили, как в утро перед отлетом с Макрэйджа он стоял, коленопреклоненный, на утесе Галлана и смотрел на мириады сверкающих пузырьков в маленьком горном озере, из которого брала начало длинная цепь водопадов Геры. Уриэль закрыл глаза и представил далекие моря, которые блестели подобно темно-синим сапфирам. Далеко на западе виднелись белые остроконечные вершины гор в зеленых заплатах горных елей. Солнце катилось за горизонт, отбрасывая последние кроваво-красные лучи и купая горы в золоте. Казалось, что колыбель Ордена дарит ему последнее видение свое-то великолепия перед тем, как отлучить его от этого волшебства навсегда.

Раньше воин держался за эти воспоминания — каждую ночь, устраиваясь на легкой походной кровати, он перебирал оттенки цветов, запахи и боялся, что со временем они поблекнут в его воображении. Спертый, не раз переработанный воздух мешал ему воскрешать их, а спартанская обстановка каюты на борту «Гордости Калта» пробуждала самые теплые воспоминания о холостяцкой меблированной комнате капитана на Макрэйдже.

Уриэль поднял голову и взглянул в отполированное до блеска стальное зеркало, наблюдая, как капельки сливаются в тонкие струйки и стекают, точно слезы, по щекам. Он вытер остатки воды с лица, и серые глаза двойника пристально взглянули на него в упор. У него были низко посаженные хмурые брови и густые черные волосы. Два золотых штифта блестели над бровью, а угловатая линия подбородка свидетельствовала о силе и мужестве. Ни один солдат из тех, что наполняли огромный космический корабль, не мог сравниться с Уриэлем в силе и выносливости. Ультрамарины были продуктом генной инженерии, использовавшей древние технологии. Сохранять великолепную физическую форму помогало то, что их жизнь проходила в суровой дисциплине, тренировках и боях. Все тело Уриэля было покрыто шрамами. А самый большой из них, уже побледневший, проходил поперек живота. Это была памятная отметка о жестоком бое с тиранидами на Тарсис Ультра, когда он чуть не погиб.

Он ворошил свою память, то ворочаясь на кровати, то, так и не найдя удобного положения, сидя. Уриэль вспоминал, как смотрел на Макрэйдж последний раз, когда шаттл легко оторвался от посадочной площадки в долине Лапониса. Он смотрел, как его вторая родина уплывает, превращаясь в лоскутное одеяло из сверкающих кварцевых гор и необозримых океанов. Все это великолепие скоро пропало из виду, как только шаттл добрался до низших слоев атмосферы.

Зато обозначился контур Макрэйджа в бледной дымке, что отмечала границу между планетой и безжизненными просторами космоса. А «Гордость Калта» выглядел уродливой металлической коробкой, нависающей над северным полюсом.

Уриэль приложил ладонь к толстому стеклу и, глядя на исчезающую планету, спросил себя,

ступит ли он еще хоть раз в жизни на Макрэйдж?

— Смотри хорошенько, капитан, — хмуро сказал Пазаниус, проследив за взглядом Уриэля через стекло. — Это последний раз, когда ты видишь Макрэйдж.

— Хотелось бы верить, что ты ошибаешься, Пазаниус, — сказал Уриэль. — Я не знаю, куда нас занесет в этом путешествии, но, может статься, мы еще увидим мир нашего Ордена.

Пазаниус только пожал плечами. Его огромный силовой доспех был сделан покойным ныне Севане Томасином из терминаторского доспеха к дню, когда Пазаниус стал полноправным Космодесантником.

— Конечно, капитан, но я знаю, что никогда уже не увижу Макрэйдж.

— Почему ты так уверен? И тебе больше совсем не обязательно называть меня капитаном, помнишь?

— Возможно, капитан, но я точно знаю, что не вернусь сюда, — ответил Пазаниус. — Просто у меня такое предчувствие.

Уриэль мотнул головой:

— Нет, я не верю, что лорд Калгар заставил бы нас поклясться жизнью, если бы думал, что мы не сможем выполнить задание. Конечно, это может занять много лет, но всегда есть надежда.

Уриэль посмотрел на своего сержанта, прекрасно понимая, почему у того такое мрачное настроение. Его взгляд переместился на огромный наплечник боевого брата, где когда-то был символ Ультрамаринов. С его силового доспеха тоже была удалена вся символика Ордена согласно решению Тайного Совета Лордов Ордена, когда они разбирали его действия по законам Кодекса Астартес и приговорили Уриэля к Маршу Позора.

Уриэль грустно вздохнул. С тех пор, как он принял меч из рук своего капитана, чтобы возглавить Четвертую роту Ультрамаринов, отгремело много битв, много крови пролилось, но таков был жребий Космодесантников. Братья по оружию, союзники и друзья погибли, сражаясь с предателями, еретиками и жестокими тиранидами.

Он сел напротив переборки, возвращаясь воспоминаниями к кровавой бойне с тиранидами, которая произошла на Тарсис Ультра. Он до сих пор прекрасно помнил побоища на той планете. Битвы с межгалактическими хищниками навсегда отпечатались в его памяти. Битва на Икаре IV — другом мире, опустошенном тиранидами, — была ужасна, но войска Императора были отважны, несмотря на то, что противник намного превосходил их. И только отчаянный героизм и вмешательство легендарного инквизитора лорда Криптмана принесли им победу.

Но эта победа очень дорого им обошлась.

Чтобы спасти планету, Уриэль взял на себя командование отрядом Караула Смерти, пренебрегая своими обязанностями по сохранению живой силы и самыми важными догматами священной книги, примарха — Кодекса Астартес. Он проложил путь к сердцу корабля-улья тиранидов. И этими действиями он спас остальные войска от неминуемой гибели. После кампании, когда они вернулись на Макрэйдж, Леаркус, один из его самых бесстрашных сержантов, доложил о вопиющих нарушениях правил Кодекса на Совете Верховных Лордов Ордена.

Испытанные и проверенные многими битвами, Ультрамарины Уриэль и Пазаниус отказались от права защищать себя. Вместо этого они с честью приняли приговор Марнеуса Калгара и свое головокружительное падение, послужившее хорошим уроком другим. Расплатой даже за тень ереси могла быть только смерть. Однако, чтобы не лишаться зазря двух бесстрашных воинов, которые могли еще нанести серьезный ущерб врагам Императора, Магистр Ордена ограничился тем, что взял с них смертельную клятву.

Уриэль отчетливо помнил тот вечер, когда прозвучал приговор. Отныне они были связаны смертельной клятвой, исполнения которой Орден мог потребовать.

Впрочем, Орден мог потребовать этого от своих воинов в любой момент. Капеллан Клозель прочел строфы из Книги Бесчестия и отвел глаза, когда Уриэль и Пазаниус прошагали мимо него к выходу.

— Уриэль, Пазаниус, — окликнул лорд Калгар воинов. — Они остановились и склонили головы перед своим командиром. — Император с вами. Искупите же кровью свою вину.

Уриэль кивнул, и огромные двери широко распахнулись. Бывшие Ультрамарины ступили в пурпурные сумерки вечера. Пели птицы, а мерцающий свет факелов отбрасывал нечеткие тени на высокие стены башни.

Прежде чем дверь закрылась за ними, Калгар заговорил снова. На этот раз его голос звучал нерешительно, как будто Магистр был не совсем уверен, что вообще имеет право произнести это:

— Библиарий Тигуриус говорил со мной прошлой ночью о мире, где витает запах железа и где выстроены огромные фабрики по производству демонов. Там все сплошь кишит монстрами и чуждыми нам созданиями. Тигуриус поведал мне о свирепых мортисианах, рождающихся сразу с орудиями убийства — лезвиями и пилами. Несмотря на то, что они выглядят скорее мертвыми, чем живыми, они дышат и действуют. Они высокие и сильные, они — темное отражение нашей славы. Найдите логово этих тварей и уничтожьте его!

— Так точно, — сказал Уриэль, выходя в ночь.

Ужасающий мир, описанный библиарием Тигуриусом, мог находиться где угодно во Вселенной, и одна только мысль о том, чтобы отважиться отправиться в такое отвратительное место, наполняла сердце Уриэля ужасом. В то же время он был преисполнен надежды на скорую расправу с этими омерзительными созданиями.

Прошло пять дней с того момента, как «Гордость Калта» покинул орбиту Макрэйджа и включил плазменные двигатели, направляясь на Масали, где была точка перехода в варп-пространство.

Их корабль с полком Имперской Гвардии на борту направлялся в Сегментум Обскурус, неся пополнение армии, защищающей имперское, космическое пространство.

— Отвага и честь, — горько прошептал Уриэль, но ответа не последовало.

Пазаниус повернул острие ножа к своей груди, и кожа покрылась мурашками. Рана разошлась, и кровь заструилась, капая с груди на леггинсы. Пазаниус продвинул лезвие глубже, медленно ведя нож поперек напряженных мышц на левой стороне груди.

Он игнорировал боль, проводя лезвие по диагонали — вниз, к солнечному сплетению, затем сделал точную копию разрезов на другой стороне груди. Быстрые удары между глубокими порезами завершили работу, и Пазаниус уронил в бессилии нож. Затем он упал на колени перед импровизированным алтарем, воздвигнутым прямо возле кровати.

На алтаре горели свечи, источая благоухание, и язычки пламени трепетали на сквозняке, идущем от воздухоочистителя. Длинные свитки, исписанные крупным почерком Пазаниуса, лежали на постели. Бывший сержант бережно взял позолоченный свиток перепачканными кровью пальцами и начал читать нараспев слова епитимьи, написанные там, хотя и так знал их наизусть. Он поднял сверкающую искусственную руку, распрямил пальцы и положил ладонь на залитую кровью грудь. Кровавые очертания двуглавого орла с распростертыми крылами застыли — кровь Ультрамаринов сворачивалась быстро.

Пазаниус провел рукой по груди, размазывая запекшуюся кровь по блестящему металлу, и начал молиться. Когда он закончил, то осторожно поднес свиток к трепещущему пламени свечи и держал до тех пор, пока пергамент не загорелся. Голодные языки пламени лизали свиток и ползли вверх, жадно поглощая слова и обжигая кончики пальцев.

Скоро свиток превратился в пепел и разлетелся оранжевыми искрами, которые гасли, не долетев до пола. Наконец последний догорающий кусочек выпал из рук Пазаниуса, и он ударил сжатым серебряным кулаком в стену каюты, оставляя глубокую вмятину в переборке.

Затем он поднял руку к лицу и стал рассматривать повреждения на блестящем протезе. Его металлические пальцы треснули и погнулись от удара, но Пазаниус скривил губы в брезгливой гримасе, замороженно глядя на металл, который замерцал и начал выправляться сам.

— Прости меня, — прошептал Пазаниус.

Уриэль достал пустой магазин из болтера и ловко всадил новый, а в это время враг появился в дверном проеме здания, находившегося за спиной. Капитан откатился в сторону под шквалом лазерных вспышек, в прыжке перевернулся и, оттолкнувшись от песка лишь единожды, занял выигрышную позицию за грудой старых ящиков для боеприпасов. Движения бойца были настолько отработанными, что он едва осознавал, почему действует именно так, а не иначе. Ультрамарин посмотрел, спустил курок, снес голову мишени одним точным выстрелом.

Еще один стрелок с резким хлопком появился на карнизе здания, и Уриэль также снял его одним выстрелом. Болт прошел навылет и взорвался позади появившейся фигуры,

Пазаниус побежал к дверям здания, пока Уриэль проверял верхние окна и окружающие крыши на предмет наличия новых мишеней. Никто не появился, и он опять обратил внимание на главный вход. И в этот момент Пазаниус снес двери с петель, обрушив на себя град обломков.

Уриэль побежал к зданию, а Пазаниус прикрывал его тыл; Уриэль слышал характерное шипение лазгана и отвечал ревом болтера. Когда он добрался до цели, то впечатался спиной в стену рядом с дверью. Пазаниус метнул гранату внутрь и отскочил в сторону, чтобы его не снесло взрывной волной.

— Вперед! — крикнул Пазаниус, и Уриэль ринулся в наполненную дымом комнату. Изувеченные тела разбросало по всему помещению, едкая пыль раздражала глаза, но авточувства Уриэля позволяли ему видеть сквозь дым, указывая ему на двух врагов, которые пережили взрыв. Он уложил одного, а Пазаниус снес голову второму.

Комнату за комнатой, этаж за этажом два Ультрамарина прочесали все здание, поразив еще тридцать мишеней. Здание было зачищено за четыре минуты с того момента, как была сломана дверь.

Уриэль снял свой шлем и провел рукой по волосам. Дыхание его было совершенно спокойным.

— Четыре минуты, — сказал он. — Плохо! Капеллан Клозель заставил бы нас поститься неделю после такого спектакля.

— Ага, — согласился Пазаниус, тоже снимая шлем. — Но мне почему-то совершенно не хочется тут выпендриваться.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, но это большая честь — обладать такими способностями, как у нас. Следовательно, мы обязаны оттачивать их до совершенства, — сказал Уриэль, проверив болтер и прошептав слова молитвы, обращенной к духу оружия.

Все Космодесантники относились к своему оружию бережно и почтительно, но для

Ультрамаринов болтер был чем-то гораздо большим, чем просто оружие. Он был божественным орудием воли Императора, своеобразным проводником его гнева на тех, кто смел оказывать открытое неповиновение Империи.

Уриэль был согласен с Пазаниусом: они здорово сдали. Четыре минуты, чтобы зачистить здание такого размера, можно было считать неплохим результатом, но он знал, что это можно сделать гораздо быстрее, а сама идея не особенно напрягаться уязвляла гордость и беспокоила его.

С тех пор как ему исполнилось шесть лет и его поселили в Казармах Аджизелуса, он чувствовал потребность быть лучшим во всем. Наставники не выделяли его и во всем уравнивали с остальными, но само осознание, что он не сделал всего, что мог, подстегивало. Пазаниус был прав — без постоянной муштры и тренировок, к которым они привыкли, будучи Ультрамаринами, их умения и навыки не то чтобы утрачивались, но словно притуплялись.

— Все равно, — продолжал Пазаниус, — нам теперь больше не надо быть лучшими. Может быть, мы вовсе и не принадлежим больше к Ордену?

Уриэль, ошеломленный самой этой мыслью и простотой, с которой Пазаниус озвучил ее, резко спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты еще считаешь себя Космодесантником Императора? — спросил Пазаниус.

— Конечно, считаю. А ты нет?

— Ну, нас вышвырнули, опозорили, мы больше не Ультрамарины, — проговорил Пазаниус подрагивающим голосом, безучастно глядя в пространство. — Принадлежим ли мы до сих пор к Космодесантникам? И нужно ли нам тренироваться? А если мы не Космодесантники, то кто же мы тогда?

Боевые товарищи встретились взглядами, и Уриэль был поражен глубиной боли и остротой тоски в глазах Пазаниуса. Душа его бывшего сержанта была опустошена, и Уриэль понял, какие ужасные терзания испытывал Пазаниус после изгнания из Ордена. Он протянул руку и положил ее Пазаниусу на наплечник, лишенный всех знаков отличия.

Уриэль почувствовал себя виноватым за то, что Пазаниус разделил с ним бесчестие, которое он должен был пережить один.

— Мы навсегда останемся Космодесантниками, мой друг, — торжественно заявил Уриэль. — И я не могу назвать ни одной причины, которая может помешать нам выполнять боевые задания нашего Ордена. Где бы мы ни были и чем бы мы ни занимались, мы всегда будем воинами

Императора.

Пазаниус кивнул:

— Я знаю, но сомнения грызут меня, и нет никого на борту, кому я мог бы исповедаться. Капеллана Клозеля здесь нет, и я не могу прикоснуться к святости примарха и помолиться.

— Ты можешь поговорить со мной, Пазаниус, всегда, когда тебе только захочется. Разве мы не боевые братья, разве мы не прошли через многие схватки, разве мы не друзья, наконец?

— Да, Уриэль, и мы всегда ими будем, но ты такой же проклятый и осужденный, как и я. А я страстно желаю духовной поддержки того, кто чист и не запятнан позором. Прости.

Уриэль отвернулся от друга, надеясь найти правильные слова, которые были так нужны сейчас. Но он не был капелланом и не знал, что принесло бы Пазаниусу утешение, которого тот, несомненно, заслуживал.

Он мучительно искал слова, которые могли восстановить доверие между ними, внутренний голос спросил его: «А что если Пазаниус прав?»

Ультрамарины возвращались обратно через полигон, полосу препятствий которого только что преодолели, и кромсали останки тридцати семи «врагов». Их радиоуправляемые тела из пластика и биомассы догорали, распространяя вонь. Выходя из здания, Уриэль и Пазаниус прошли через хорошо укомплектованный гимназиум, направляясь к одной из многих часовен на корабле. Космодесантники завершили боевые обряды и церемонии, которые должны были своей суровой, красотой поддержать их морально и продемонстрировать уважение примарху и Императору.

Свет в тренировочном зале начал мерцать и гаснуть, предупреждая людей, что корабль переходит в ночной режим, хотя само понятие дня и ночи было весьма условным на борту корабля. Несмотря на это, капитан Ласкарис ввел в практику строгое расписание, по которому выключался свет и звучал сигнал к подъему. Это делалось для того, чтобы пассажиры «Гордости Калта» могли быстрее приспособиться к жизни на корабле. Такая маскировка под нормальную жизнь позволяла сводить к минимуму нежелательные проявления человеческой натуры. Усиливавшаяся клаустрофобия вкупе с еще дюжиной лишений, которые неизбежны на борту, нередко приводили к крайне неприятным последствиям, таким как жестокость, насилие и неподчинение.

Конечно, Ультрамарины привыкли к гораздо более жесткой дисциплине и лишениям, чем те, что приходилось терпеть на корабле.

Гимназиум был обширным помещением в тысячу стадий длиной, потолок подпирали колонны, а пол был посыпан песком. Целый полк или даже больше воинов могли проводить тренировки по стрельбе, кулачному бою, бою в джунглях или опасной драке на темных городских улицах.

На полигоне было несколько площадок, имитирующих различные условия, настолько близкие к реальным, что тысячи воинов могли пройти здесь необходимое обучение, перед тем как добраться до театра настоящих боевых действий. С балок потолка свисали боевые знамена подразделений, а вдоль стен стояли огромные антраценовые статуи великих героев Ультрамара. Подсвеченные витражи рассказывали о жизни Робаута Жиллимана. Молебны на высоком готике неслись из труб гипсовых ангелов, водруженных на каждую колонну.

— Это лучшие люди своих миров, — кивнул Уриэль на группу воинов, отрабатывающих штыковые удары на манекенах.

От него не ускользнуло несколько смущенных взглядов, брошенных на разжалованных Ультрамаринов. Уриэль прекрасно знал, что их присутствие на корабле послужит причиной разных домыслов и сплетен.

— Да, — согласился Пазаниус, — Макрэйдж восемьсот восьмой. Большинство из них из Аджизелуса.

— Ну, тогда они будут хорошо сражаться, — сказал Уриэль. — Какой позор, что мы не можем тренироваться с ними. Они бы очень многому могли у нас научиться, а для нас было бы честью передать им свой опыт.

— Может быть, — сказал Пазаниус, — хотя не думаю, что их офицеры согласились бы с тобой. Мне кажется, что мы для них — одно большое разочарование. Разжалованный Космодесантник не герой, он ничего не стоит, пустое место.

Уриэль повернулся к Пазаниусу, удивленный злобой и горечью в его голосе.

— Пазаниус? — окликнул он его.

Пазаниус помотал головой, как будто отбрасывая прочь тяжелые мысли, и улыбнулся, но Уриэля невозможно было обмануть этим.

— Извини, Уриэль, меня просто замучили сны. Я не привык к этому. Я все еще жду, когда же капеллан Клозель гаркнет мне на ухо: «Подъем!»

— Да, — согласился Уриэль, заставляя себя улыбнуться. — Чуть больше трех часов сна — и ночь казалась роскошной. Будь осторожен и не привыкни к этому, мой друг.

— Это вряд ли, — сказал Пазаниус хмуро.

Уриэль встал на колени перед статуей Императора, высеченной из темного мрамора. Мерцающий свет сотен свечей заполнял часовню, отражаясь тысячекратно на отполированных поверхностях. Воздух был тяжелым и маслянистым от благовоний. Священники молились

нараспев, перебирая четки, они бродили по часовне. Херувимы с белоснежной кожей, голубыми как небо волосами и сияющими золотыми крыльями парили под сводами. С поясов священников свисали свитки со священными текстами.

Уриэль ни на кого не обращал ни малейшего внимания. Он крепко сжимал обеими руками золотой эфес меча, острием упертого в пол. Уриэль устало прижался лбом к головке эфеса и начал молиться.

Этот меч был последним даром капитана Айдэуса, его бывшего наставника, и хотя оружие было повреждено на Павонисе (казалось, что уже целая вечность прошла с тех пор), Уриэль отладил клинок перед отъездом на Тарсис Ультра. Ему хотелось знать, как поступил бы Айдэус в той ситуации, и благодарил богов, что его наставника здесь нет, и он не видит, что стало с его учеником.

Пазаниус преклонил колени рядом, закрыл глаза, и его губы зашевелились в беззвучной молитве.

Уриэлю было сложно проявлять сочувствие к насупленному, полному тяжких раздумий Пазаниусу. Тот стал таким с тех пор, как они оставили позади водопады Геры. Да, это правда, что их изгнали из Ордена, с родной планеты и разлучили с боевыми братьями, но у них все еще был долг, который нужно выполнить, и клятва, которой надо следовать. А настоящий Космодесантник никогда не откажется от таких серьезных обязательств, особенно если он Ультрамарин.

Уриэль знал, что Пазаниус был смелым и благородным воином, и надеялся, что у него хватит внутренней силы, чтобы самостоятельно выйти из этого болезненного состояния. Вспомнилось, как он сам терзал себя сомнениями в одном из госпиталей на Тарсис Ультра. Уриэль также вспомнил прекрасное лицо сестры Ордена Госпитальеров и ее слова, простые и мудрые, умирившие его душевную боль.

Уриэль хотел еще раз увидеть эту женщину, но оказалось — не судьба. После битвы с тиранидами, в которой он был тяжело ранен, он долгое время видел только аптекаря Селенуса, занятого изгнанием тиранидского яда из организма Ультрамарина.

Когда Уриэлю стало лучше, подошло время отправляться на Макрэйдж, и он так и не смог поблагодарить сестру Джониэль за простодушную доброту. Он хотел знать, что с ней стало. Уриэль от всей души желал ей только хорошего.

Он завершил молитву, встал и поцеловал лезвие меча перед тем, как убрать его в ножны одним резким движением, поклонился статуе Императора и осенил себя знаком орла на груди. Мельком взглянув на Пазаниуса, он понял, что тот все еще погружен в молитвенный транс.

Уриэль неодобрительно нахмурил брови, когда увидел несколько странных отметин, видных из-под латного воротника силового доспеха. Уриэль стоял прямо над бывшим сержантом и смотрел на ссадины, начинавшиеся на шее и исчезающие под броней.

Корочка на этих ранах была еще свежей.

Где же он получил эти шрамы?

Уриэль собрался прямо спросить Пазаниуса, но почувствовал чье-то присутствие за спиной. Он обернулся и увидел жреца, мужчину с цепкими глазами, который пристально уставился на него.

— Проповедник, — уважительно кивнул Уриэль.

— Нет, пока нет! — взвизгнул священник, нервно теребя свитки с молитвами. — Нет, я не проповедник. Я всего лишь бедный кенобит, мой ангел смерти.

Уриэль остановил взгляд на его ладонях, перемазанных кровью, и спросил себя, к какому культу принадлежит жрец. В Империуме были известны тысячи сект, и этот неуравновешенный тип мог принадлежать к любой из них. Ультрамарин пристально осмотрел его одежду, чтобы найти хоть какую-нибудь зацепку, но темно-голубая тога, закрепленная на плече пряжкой, не имела никаких опознавательных знаков.

— Могу я вам помочь чем-нибудь? — спросил Уриэль.

Пазаниус поднялся с колен и встал рядом.

Жрец покачал головой и нервно хихикнул:

— Нет, я уже мертв. Омфал Демониум грядет. Я чувствую, как он ворочается и растет в моей голове, а скоро вырвется наружу. И увезет меня, да и всех остальных на своей адской машине.

Уриэль сделал Пазаниусу знак глазами. Совершенно очевидно, что кенобит — душевнобольной, но это не было редкостью среди особенно ревностных почитателей Императора.

— Благодарен вам за ваши слова, проповедник, — сказал Уриэль, — но мы уже помолились и нам пора уходить.

— Нет, — сказал кенобит решительно.

— Нет? Что вы имеете в виду? — спросил Уриэль, начиная терять терпение. Как и многие Адептус Астартес, Ультрамарины имели натянутые отношения со священниками Министорума.

— Ты слышишь это, сын Калта? Слышишь, как грохочет по кровавому железному пути

страшный поезд смерти?

— Я ничего не слышу, — сказал Уриэль, обходя кенобита и направляясь к выходу из часовни.

— Услышишь, — пообещал человек.

Как только Уриэль повернулся, механический монотонный голос прохрипел из громкоговорителей, водруженных в тени сводчатых потолков:

— Всем приготовиться к входу в варп. Перемещение в варп начнется через тридцать секунд.

Кенобит расхохотался, слюна запузырилась в уголках его рта. Он воздел руки, и кровь хлынула из перерезанных вен на его запястьях, забрызгала лицо и покатилась по щекам рубиновыми слезами. Он упал на колени и прошептал:

— Слишком поздно... Слишком поздно, Повелитель Черепов грядет.

Болезненный спазм скрутил желудок Уриэля, когда последнее слово слетело с уст кенобита, и он ступил к этому безумному жрецу, собираясь хорошенько проучить его за такое поведение на космическом корабле.

Свет замигал в часовне — корабль переходил в варп-пространство.

Уриэль вздернул вверх кенобита и поставил его на ноги.

И тут голова безумца взорвалась.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/675956>